

Не теряет своей актуальности вопрос о наиболее оптимальной структуре акта судебного правоприменения. Логическое строение судебного решения Г.Ф. Шершеневич представляет как силлогизм, в котором роль большой посылки играет норма права, малой посылки – конкретное бытовое отношение. Чтобы вывод из посылок (судебное решение) был верен, необходимо точное установление обеих посылок. Установление большой посылки состоит из двух моментов: 1) в установлении текста нормы права (критика) и 2) в установлении содержания нормы права (толкование). Особенность судебного умозаключения состоит в том, что большая посылка, установленная в своем тексте и содержании, не подлежит доказыванию. Установление малой посылки происходит по иным началам, так как в действительной жизни редко встречается случай в виде готового среднего термина. Задача лица, применяющего право, состоит в том, чтобы подготовить возможность умозаключения раскрытием фактического состава, соответствующего среднему термину. Случай, подводимый под норму права, представляет сумму фактов.

Г.Ф. Шершеневич рекомендует суду произвести двойную операцию: 1) обособить факты, составляющие в совокупности рассматриваемый случай, от фактов, происшедших в пределах того же времени и пространства, например, отношение между данными лицами по договору личного найма от отношения по родству между теми же лицами, от отношения по оскорблению, нанесенному одним из этих лиц другому, и 2) обособить в совокупности фактов, составляющих данный бытовой случай, факты, имеющие существенное значение с юридической точки зрения, например, очищение юридического отношения по личному найму от влияния отношений экономических, нравственных, религиозных. Этот процесс стоит в зависимости от «таланта и навыка лица, применяющего нормы права», т.е. от профессионализма судьи. Здесь, как отмечено выдающимся исследователем, юрист-практик оказывается гораздо выше человека, не получившего юридической подготовки и не обладающего юридическим опытом, и даже может оказаться сильнее юриста-теоретика, имеющего большие знания, но не обладающего навыком. В процессе установления малой посылки Г.Ф. Шершеневич сравнивает юриста с врачом, устанавливающим диагноз болезни, так как и тот и другой нередко вызывают недоумение и раздражение со стороны лиц, обращающихся к их помощи, когда они отказываются слушать многогривый рассказ о болезни или споре потому, что, с их точки зрения, не имеют вовсе значения факты, которым больные или клиенты придают очень большое значение¹.

Роль судейского усмотрения при принятии решения в современных условиях невозможно недооценить, оно лежит в основе итоговой оценки представленных сторонами доказательств, и обращение к нему происходит в совещательной комнате до оглашения итогового судебного акта по конкретному делу. Однако усмотрение это должно быть основано не только на личном и профессиональном опыте такого авторитетного юриста, как судья, но в первую очередь на нормах права. Г.Ф. Шершеневич категорично указал, что норма права должна быть применима ко всем бытовым отношениям по точному ее смыслу, несмотря ни на какие конкретные условия, что применение норм права по точному их смыслу, невзирая на результаты применения в тех или иных конкретных случаях, есть тот принцип законности, который составляет необходимое условие правового порядка, что пра-

во существует не ради самого себя, не для торжества отвлеченной идеи, а ради живых людей, ввиду насущных интересов жизни. Если норма вообще несправедлива или нецелесообразна, то юрист рекомендовал придавать ей во всех случаях такое применение, которое сопровождалось бы наименее несправедливыми и нецелесообразными последствиями. Применение нормы права с приспособлением ее смысла к конкретным случаям для устранения нежелательных последствий составляет принцип справедливости или целесообразности. О соответствии закона со справедливостью нужно думать тогда, когда закон изготовляется, а не тогда, когда он применяется¹.

Выражение в праве начал справедливости, в том числе в практике его реализации и применения, есть «моральность права»². В этой связи не только не потеряла своей актуальности, но и приобрела новое звучание идея Г.Ф. Шершеневича, согласно которой лишь усовершенствование законодательной техники даст суду возможность, не выходя из пределов правила, принять в соображение индивидуальность случаев его применения.

Л.Т. Бакулина,

к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Правовое государство в России: от конституционной модели к социальной практике

На смену полицейскому государству в XIX столетии
пришло «правовое государство».
... В новейшее время на место правового государства
выдвигается «культурное государство».
... На горизонте обрисовываются, хотя еще не ясно,
черты «социального государства».

Г.Ф. Шершеневич

Вынесенные в качестве эпиграфа слова великого российского правоведа как нельзя точно, на наш взгляд, определяют то, насколько мы даже в веке XXI далеки не только от намеченной цели, но и как сильно отклонились от теоретической модели, разработанной еще в XIX столетии плеядой авторитетнейших отечественных ученых-юристов – теоретиков правового государства: В.М. Гессена, Н.М. Коркунова, С.А. Муромцева, П.И. Новгородцева, Г.Ф. Шершеневича и др.

Реализация концепции правового государства в России – дело не одного десятилетия, что обусловлено множеством объективных и субъективных факторов, в том числе и различиями в понимании «наполнения» конституционной конструкции реальным содержанием. При всем многообразии взглядов на сущность правового государства основная идея данной концепции выражается в том, что воля наро-

¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 699–704, 704–710, 714–716.

¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 699–704, 704–710, 714–716.

² См.: Алексеев С.С. Философия права. М., 1998. С. 56.

да легитимирует государственную власть, а государственная власть ограничивается правом, в результате чего достигается справедливое общественное устройство.

Взяв за основу разработанные в юридической науке характеристики правового государства, остановимся на следующем определении: правовое государство – это система принципов оптимального устройства и функционирования структур государственной власти «в целях безопасности и благополучия гражданского общества, развивающегося на основе органического сочетания частных и публичных начал»¹. Такими основными принципами выступают: господство права (и (или) верховенство закона); приоритет прав человека (и (или) обязательность конституционно закрепленных основных прав и свобод человека²); взаимная ответственность гражданина и государства; принцип разделения властей. В свою очередь Г.Ф. Шершеневич называет данные принципы гарантиями, обеспечивающими правовой порядок против произвола государственной власти, и выделяет в качестве таковых: «а) неотъемлемые права личности, б) принцип разделения властей, в) правовое самоограничение власти, г) подчиненность государства стоящему над ним праву»³.

Эти принципы не абсолютны, не бесспорны и не статичны: они не существуют сами по себе – их отправляют люди. А значит, повседневная политическая судьба принципов правового государства очень часто расходитсЯ не только с их теоретическим оригиналом, но и с конституционно закрепленной моделью. Представления о правовом государстве, сформулированные доктринально, служат, с одной стороны, ориентиром для законодателя, с другой – своего рода пробным камнем для оценки действующей Конституции, как писаной, так и реальной. Поэтому «содержание правовой государственности России выводится и из абстрактных представлений о некоей идеальной модели правового государства, и из норм Конституции, и из практики реализации этих идей в деятельности государственной власти, общества в целом»⁴.

Существует весьма распространенное представление, что правовое государство то же самое, что государство конституционное⁵, но, по мнению Г.Ф. Шершеневича, это совершенно не так: «Правовое государство есть проблема, поставленная государству временем; конституционное государство есть наилучшее, по воззрению времени, средство для осуществления этой задачи... Вот почему, поставив требование государства, в котором право соблюдалось бы в точности, XIX век указал на конституционную форму, как на лучшее средство, гарантирующее правовой порядок»⁶.

Кроме того, сегодня правовое государство непременно социально ориентировано. Хотя две эти концепции не просто самостоятельны, но изначально в своей основе имеют сущностные различия. Это обусловлено тем, что теория правового государства формировалась на базе ценностей классического либерализма, а кон-

цепции социального государства – на базе идей солидаризма (а в некоторых странах – социализма). Поэтому ради достижения социальной стабильности и эффективного развития общества при конституционном оформлении этих концепций возникает необходимость нахождения компромисса между коллективными и индивидуальными потребностями и интересами.

Возвращаясь к эпиграфу, стоит отметить, что между правовым и социальным государством, как считал Г.Ф. Шершеневич, – «государство культурное». Однако ни в Конституции РФ, ни в социально-политической практике и речи нет о необходимости прежде всего формирования цивилизованной, культурной личности – Гражданина этого государства.

Безусловно, центральной персоной правовой государственности является Гражданин (именно так – с большой буквы, от несколько позабытого сегодня слова «гражданственность»), наделенный реально обеспеченными правами, которые в соответствии со ст. 18 Конституции РФ являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной властей, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. А соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина – конституционная обязанность государства, которая в свою очередь должна быть обеспечена соответствующим правовым механизмом.

Провозглашение в Конституции РФ человека, его прав и свобод высшей ценностью позволяет некоторым авторам утверждать, что все иные общественные ценности, а в их числе и обязанности человека, рангом ниже и не могут противоречить данному постулату. Данный принцип базируется на либеральных ценностях конца XIX в., которые легли в основу концепции правового государства. Однако в современных условиях, когда Основной закон большинства европейских стран закрепил принципы не только правовой, но и социальной государственности, абсолютизация прав человека противоречит не только конституционной модели, но и культурным традициям многих государств. Весьма показательны в этой связи слова митрополита Санкт-Петербургского и Ладоского Иоанна, отмечавшего, что «высокая мысль о правах человека питается эгоизмом и сомнением, ведет к изоляции людей друг от друга и разъединению общества. В православной культуре на первое место всегда выступали обязанности, а не права»¹.

Как показывает политико-правовой опыт современных государств, далеко не все они «исповедают» и принцип разделения властей (Англия, Дания, Швеция и др.)², не переставая быть при этом демократическими правовыми государствами с конституционным строем. Однако, «обладая некоей универсальностью, способностью обретать различные формы в зависимости от характера государственности, социально-политических и экономических условий»³, правовое государство сохраняет ряд сущностных черт, одной из которых выступает разделение властей как конституционный принцип организации деятельности государственного механизма во многих странах. Поиск оптимальной модели его реализации в России приобре-

¹ См.: Самигуллин М.В. Конституционно-правовая мысль дореволюционной России (1730–1883 гг.): историко-правовое исследование: автореф. дис. ... к.ю.н. Волгоград, 2007. С. 7.

² См.: Омельченко О.А. История политических и правовых учений (История учений о государстве и праве): учебник для вузов. М., 2006. С. 410–413.

³ См.: Шершеневич Г.Ф. Философия права. Т. I: Часть теоретическая. Общая теория права. М., 1911. С. 243.

⁴ Хлопушин С.Н. Правовое государство в России (конституционные ориентиры и социально-юридическая практика) // Гражданин и право. 2007. № 7. С. 25–30.

⁵ Некоторые авторы рассматривают конституционализм в качестве принципа правового государства (см., например: Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России: учеб. пособие. СПб., 2008. С. 247).

⁶ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 244–245.

¹ Государство как произведение искусства: 150-летие концепции / Ин-т философии РАН; Моск.-Петербург. философ. клуб; отв. ред. А.А. Гусейнов. М., 2011. С. 23.

² См.: Разделение властей: учеб. пособие / отв. ред. М.Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 4.

³ Романов Р.М. Российский парламентаризм. История и современность. М., 2000. С. 33.

тает особое значение в силу действия разнонаправленных «векторов»: ориентации субъектов Российской Федерации на расширение своей самостоятельности и выравнивания властной «вертикали» федеральным центром.

Движение к правовому государству сегодня связывают с процессом модернизации российской государственности, который развивается при поддержке государства, инициирован им и уже более трехсот лет оказывает воздействие на понимание права россиянами и на их отношение к праву и государству. В контексте указанных процессов принцип господства права, как одна из существенных характеристик правового государства, обретает новые грани. Право формализует цели и задачи, стоящие перед обществом, способствует появлению социального субъекта модернизации, закрепляет результаты реформ. Кроме того, право — один из основных государственных инструментов модернизации, и от того, как общество относится к этому инструменту, как общественное правовое сознание принимает правовые нормы, зависит успех реформ¹.

Прежде чем приступить к реформированию, необходимо, чтобы государство и общество понимали, что главной целью проекта комплексной модернизации России (которую некоторые политические эксперты образно называют «политическим евро-ремонт, наполненным инновационным содержанием») должен стать Гражданин. «Тогда из такого целеполагания вытекает готовность к реализации соответствующих задач. В числе приоритетнейших как минимум две: обеспечение в России в XXI в. верховенства права и верховенства культуры. А одним из базовых условий продвижения к намеченной цели должна стать реформа образования². Поэтому на современном этапе Российскому государству необходимо reinвестировать значительную часть государственных доходов в свое будущее, т.е. в образование, науку и культуру. И тогда теоретические осмысления классика отечественной юридической науки станут реальностью, хотя, на наш взгляд, с некоторыми уточнениями: построение правового государства и культурного государства — неразрывный процесс.

П.А. Батайкин,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского и предпринимательского права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

К вопросу о понятии и значении юридической конструкции

В последнее время увеличение объема нормативно-правового регулирования объективно увеличивает значимость юридической техники. Совершенство законодательства в значительной мере выражается в том, насколько отработано само построение правового материала, т.е. насколько при его выработке учтены типовые схемы и модели, данные науки и практики, требования эффективности, логики, продуманности.

¹ Белинков А.В. Модернизация права в России (Теоретический анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 5–6; Венгерова А.Б. Теория государства и права. Гл. 8: Теоретические вопросы российской государственности // Теория государства и права. Ч. 1: Теория государства / под общ. ред. А.Б. Венгеровой. М., 1995. С. 104–153.

² Государство как произведение искусства: 150-летие концепции. С. 26–27.

Несмотря на то, что слово «техника» обычно используется в отношении экономики, материального производства, говоря о совершенствовании норм права, мы сталкиваемся с поиском наиболее эффективных, отработанных средств, приемов, правил, позволяющих достигать оптимальный результат. Как справедливо отмечал С.С. Алексеев, юридическая техника — это совокупность средств, приемов, правил разработки, оформления, публикации и систематизации законов, иных правовых актов, обеспечивающая их совершенство, эффективное использование¹. Действительно, юридико-технический уровень нормативных правовых актов является одним из важнейших показателей их качества.

Обычно термин «конструкция», как и слово «техника», мы применяем к вещам материальным, техническим. Конструкция — это состав и взаимное расположение частей какого-либо сооружения, механизма (сооружение сложного устройства, отдельные части, его составляющие)². Однако в юриспруденции тоже есть свои конструкции. При этом слово «конструкция» понимается примерно в том же самом смысле, что и в технике, в материальном производстве, в инженерном деле.

Еще в свое время Г.Ф. Шершеневич писал, что: «Субъекты права, — это те центры, юридические точки, к которым нормами объективного права прикрепляются субъективные права как коррелятивы обязанностей, возложенных на членов правового общения. Субъект права составляет лишь прием юридической техники. Все право существует ради интересов людей, и если эти интересы приводят в настоящее время к тому, что каждый человек считается правоспособным, то те же интересы требуют создания субъектов права и помимо человека... Всякий субъект права есть представление, внушенное объективным правом ради большего удобства разграничения человеческих интересов. В этом случае субъектом права пользуются, как точкой или линией в математике, как меридианом в географии, — их нет в действительности, но предположение их необходимо³.

В теории права юридические конструкции отождествляют с логической дедукцией, с теоретическими положениями, со способом регулирования общественных отношений и средством юридической техники⁴. Юридическая конструкция представляет собой некую идеальную модель, которая должна отражать структурное строение правоотношений, юридических фактов или их элементов, правонарушений⁵. В современной литературе А.Ф. Черданцев выделяет три аспекта понимания юридических конструкций: в качестве, во-первых, метода познания права, во-вторых, средства построения нормативного материала, в-третьих, средства толкования и установления значимых фактов в процессе реализации норм права⁶. Бу-

¹ См.: Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М., 1998. С. 251.

² См.: Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 2: А–Л. М., 2011. С. 352.

³ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Рига, 1924. С. 586–587.

⁴ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1898. С. 348; Иеринг Р. Юридическая техника: пер. с нем. СПб., 1906. С. 63–75; Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 73; Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 275–277; Черданцев А.Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12–14; Лукич Р. Методология права. М., 1981. С. 278.

⁵ См.: Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 131.

⁶ См. там же. С. 150.